

В. И. Ермолович
ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ ПРАВО
СРЕДНЕВЕКОВОЙ ЧЕХИИ

В XII в. в средневековой Чехии наблюдается процесс отмирания древних судебных учреждений и вместе с ними старых форм судопроизводства. В указанный период начали господствовать новые процессуальные правила, призванные решать стратегические задачи господствующего класса феодального общества, такие как обеспечение возможности широкомасштабной классовой репрессии в отношении зависимых категорий населения и ограничение института судебной самопомощи населения, которая достаточно эффективно применялась у славян на протяжении многих предшествующих столетий.

Типичной чертой нововведений, характеризующей чешский средневековый процесс, является непрерывный рост формальностей. Они помогали скрывать действительное содержание судебной деятельности, обеспечивая при этом прямые интересы господствующих в обществе сословий.

В наибольшей степени был обставлен формальностями порядок заявления исков в суде, который еще в недалекие времена был весьма прост. Непременными участниками процессуальных действий, предшествующих заявлению в суде и вызову ответчика, стали государственные чиновники. Первым «камнем» в новое строение стал декрет Бржетислава I, последующее развитие законодательства довело это дело до логического завершения. Об этом свидетельствуют правовые нормы, содержащиеся в «Рожмберской книге» и «Изложении чешского земского права» пана Андрея из Дубы.

Постепенно формальности начали играть основную роль в судопроизводстве, а свидетельские показания – второстепенную. Подобно польскому процессуальному праву, свидетельские показания стали применяться главным образом при рассмотрении «бытовых» правоотношений. Например, при вступлении в договорные отношения, при споре о мере, когда дело решалось единодушным показанием сведущих людей; при необходимости установить личность или обстоятельства, связанные с его биографией (рождение, крещение, вступление в брак и пр.), и т. д.

Умаление роли свидетельских показаний – это характерная черта для общественных систем, где сословное и классовое неравенство

закреплено в законодательной форме. Это положение объясняется тем, что свидетелем может быть по воле случая любое лицо, в том числе и то, которое стоит на более низкой ступени социальной лестницы. Признание права на свидетельство такого лица против представителя привилегированного класса настолько противоречило бы самому понятию феодальной сословности и праву привилегии, что не могло быть ни узаконено, ни признано практикой. Если же к такого рода свидетельствам прибегали иногда на практике, то делали это за пределами официального суда.

Умалая роль свидетелей, чешское средневековое право придавало огромное значение вещественным доказательствам, внешним проявлениям преступления (например, призыв о помощи), древним судебным обрядам (заклич, гонение следа).

Заклич – это объявление о совершившемся преступлении (например, о пропаже имущества). Он проводился в людном месте, «на торгу», где объявлялось о пропаже вещи, указывались ее индивидуальные признаки, при помощи которых можно опознать пропавшую вещь. Если пропажу обнаруживали по истечении трех дней с момента заклика, то лицо, у которого была выявлена пропавшая вещь, считалось ответчиком.

Гонение следа – это очередная стадия судебного процесса, заключающаяся в поиске доказательств и преступника. Первоначально его осуществляли сами потерпевшие лица, их близкие, члены общины и добровольцы. С появлением в XI в. в средневековой Чехии специального розыскного органа в лице института поправцев гонение следа стало осуществляться поправцами совместно с представителями потерпевшей стороны.

Наряду с вещественными доказательствами чешское средневековое процессуальное право также широко использовало иррациональные доказательства: ордалии (испытание огнем, водой, железом), присягу, соприсяжничество, судебный поединок.

Не только нормы материального права должны были способствовать политике устрашения, но также и судебный процесс с его сложными обрядами и при желании судей – фактической невозможностью оправдания. Именно поэтому в Чехии, равно как и в средневековой Польше, налицо в качестве главного средства «обнаружения» истины ордалия во всех ее известных формах: судебный поединок, испытание водой, железом и др., а также соприсяжничество, применяемое в

строгой зависимости от того, к какому классу принадлежит находящееся перед судом лицо. Например, испытание водой производилось по-разному: испытание кипящей водой и водой студеной; очищение железом совершалось также в двух формах: в одном случае испытуемый должен был взять в руки раскаленный кусок металла, в другом – пройти по раскаленным лемехам; судебный поединок происходил на мечах, когда сторонами являлись феодалы, и на дубинах, когда спорили крестьяне¹.

Регламентированию испытаний, в том числе судебного поединка, а также соприсяжничества, посвящены нормы всех упоминавшихся выше чешских кодификаций права: о «суде железа» и о поединке говорится в ст. 19 и ст. 37 «Статутов Конрада Оттона»; об институте соприсяжничества – в ст. 26 и ст. 27 «Ряда земского права».

В «Ряде земского права», зафиксировавшего порядок судебного рассмотрения споров между феодалами, мы не находим никаких форм ордалий, кроме поединка. При этом чешское средневековое право усовершенствовало порядок его применения, обставив его целым рядом условий. Характер этих условий не вызывает сомнений: если по обвинению в убийстве вызовет в суд пан – пана, владыка – владыку, т. е. равный равного – должны биться мечами и со щитами в соответствии со ст. 25 «Ряда земского права»; если высший позвал в суд низшего и не хочет выйти с ним на поединок, то на основании ст. 27 «Ряда земского права» он может присягать сам – седьмой; то же право по ст. 26 «Ряда земского права» предоставляется высшему по рождению и в том случае, когда на него жалуется низший. Что касается горожан и крестьян, то они, как и в древние времена, бились не мечами, а деревянными палицами. При этом следует иметь в виду, что поединок предусматривался как последнее средство установления истины, когда ни одна из сторон, участвующих в процессе, не могла представить убедительных доказательств своей правоты. В самый последний момент перед началом поединка ответчику – пану предоставлялось право бежать из страны под надежной охраной Пражского бургграфа. Тем самым ответчик проигрывал дело, но сохранял свою жизнь.

Положение крестьян было совсем иным. Крестьянин был фактически беззащитным. Он не имел возможности выбора средств доказывания. Этот выбор был делом суда, и крестьянин должен был ему подчиняться. Конечно, если при рассмотрении споров не затрагива-

лись интересы феодала или государства, то крестьянин мог пользоваться более широкими правами. Однако эти случаи не являются типичными и не могут характеризовать в целом чешский средневековый процесс. Толкование результатов испытания огнем, каленым железом и кипящей водой повсеместно допускало широкомасштабный произвол со стороны феодальных судей в отношении крестьян. Чтобы сделать применение этих средств более эффективным, Чешское государство на раннем этапе своего становления установило грань между знатным и незнатным лицом в суде, сделав для последнего невозможным требовать ордалий в споре со знатным лицом. Так, ст. 9 «Статутов Конрада Оттона» разрешала знатному человеку, когда против него выдвигалось обвинение, посылать вместо себя на испытание зависимого человека, слугу, холопа, чтобы тот принял на себя мучение. Если испытание было неблагоприятным, господин оплачивал 200 денаров и на том дело оканчивалось.

Обращение крестьянина, даже свободного, за судебной защитой против пана или монастыря было делом практически безнадежным. Феодальное государство непрерывно сужало возможность традиционного частного обвинения по делам, которые затрагивали его интерес или интерес господствующих сословий. Зато сами феодалы сохранили за собой полную свободу в возбуждении судебных дел, исключая случаи, предусматривающие инициативу государства. Детальное знакомство с нормами «Рожмберской книги» и «Изложения чешского земского права» пана Андрея из Дубы позволяет считать, что даже убийство для панов Чехии до XV в. оставалось делом частного обвинения. При этом источники чешского средневекового кодифицированного права содержат много положений о наличии кровной мести в стране. Несмотря на то что многие из древних обычаев уже были стеснены государством, они все-таки существовали на практике и даже допускались законодателем при наличии определенных обстоятельств.

В X–XI вв. кровная месть в Чехии была делом обычным. По мере ограничения оснований для действия института кровной мести возросла возможность мирного окончания дела сторонами, без вмешательства государства в лице суда. Широкое применение получил обычай покоры.

Товачевская книга – источник XV в. сообщает нам о покое следующее: виновный босиком шел на могилу убитого, ложился на ней

крестом, а один из ближайших родственников убитого, опуская ему меч между лопатками, спрашивал: так ли я властен над твоей жизнью, как ты был властен над жизнью моего брата? На это убийца должен был ответить – «да, но прошу тебя оживить меня». «Оживляю тебя для господа Бога», – говорил тогда принимавший покору, и тем дело кончалось².

Естественно, что обряду покоры предшествовал договор об уплате «цены родства», при этом определение ее размера оставалось делом сторон, участвовавших в договорном процессе. Деньги, полученные за убитого, шли не в пользу государства, а ближайшим родственникам пострадавшего лица.

Покора использовалась только по отношению к представителям господствующего класса и являлась феодальной привилегией в процессуальном праве.

Привилегией господствующего класса в судопроизводстве была также система панских судов, которые функционировали во всех областях средневековой Чехии с целью рассмотрения споров, возникших между магнатами, т. е. чешскими панам. Характерно, что панские суды не руководствовались законами и правовыми обычаями, судьи из числа панов выступали как «природные» знатоки права и использовали суды для установления норм, выгодных сильным мира сего.

Примеру панского сословия последовала мелкая шляхта, рыцари и владыки. Они создали свои владычные суды, к компетенции которых были отнесены многие дела представителей и других сословий, которые представляли свободное население страны.

Судебная реформа короля Пржемысла II (1253–1278) укрепила привилегированное положение шляхты в отношении судебной системы страны. Согласно реформе верховная судебная власть в Чехии перешла к Земскому суду, заседавшему в г. Праге и состоявшему из высших должностных лиц королевства. В краях и областях страны была сохранена система местных шляхетских судов по гражданским делам, которые состояли из числа коронных судей и присяжных заседателей из местной знати. Уголовные дела панов и шляхты перешли в компетенцию Земского суда. На местах уголовные дела рассматривались специальным государственным институтом «поправцев». Поправцы назначались от лица королевской власти и осуществляли на

местах общее наблюдение за «безопасностью» в крае и судопроизводство по уголовным делам.

Таким образом, в XIV в. чешское земское право уже закрепило определенный порядок ведения судебного процесса. Об этом можно судить по «Рожмберской книге», написанной в конце XIII в. и посвященной вопросам процесса в земском суде. Важным источником средневекового процессуального права Чехии является также «Ряд земского права», написанный на латинском и чешском языках и дающий системное изложение порядка судопроизводства в земском суде.

Теперь обратимся к порядку рассмотрения дел в чешском земском средневековом суде по источникам земского права. Наиболее характерным нам представляется судебный процесс по делам о нанесении ущерба имуществу или личности. Согласно установившемуся порядку, потерпевший должен был о нанесенном ущербе или оскорблении оповестить соседей криком или каким-либо иным способом дать знать об этом в кратчайший срок. О порядке извещения соседей первые сообщаются в ст. 24 «Статутов Конрада Оттона» в начале XIII в., а затем находит свое подтверждение в ст. 121 и 122 «Законника короля Карла I».

В записи, сделанной в земских книгах под 1350 г., говорится о том, что «поправцы» и жители должны были оказывать помощь при крике пострадавшего лица. Согласно земским книгам, кто не оказывал помощи, платил штраф в сумме 5 марок³. Сообщать о случившемся можно было местным панам из числа поправцев, а также прямо в земский суд или королевскую курию. Хотя обычно сообщали тому земскому служащему или органу, к компетенции которого относилась тяжба.

Заявление об ущербе в соответствии со ст. 123 «Законника короля Карла I» принималось к рассмотрению в течение двух недель и должно было содержать сообщение обо всех подробностях происшествия. Такой же срок был определен и в «Рожмберской книге». Извещение о грабеже или порче имущества, сделанное после этого срока, считалось недействительным.

Вызов в суд осуществлялся на основании жалобы, которая заносилась в земские книги. Далее проводился осмотр места происшествия специальным земским служащим, так называемым погончим, или коморником, находившимся в распоряжении высшего коморника земского суда. Ознакомившись с обстоятельствами дела, земский служа-

щий в присутствии обеих сторон сообщал о результатах своего осмотра служащим суда. Расследовать дело и изложить результаты своего дознания он должен был, согласно ст. 73 «Законника короля Карла I», в течение определенного срока – 1 года и 1 дня с момента происшедшего. Об этом правиле есть сведения и в ст. 1 «Ряда земского права». Осмотр места совершения противоправного действия был древним обычаем чехов и имел большое значение в процессе, так как запись земского служащего об осмотре места происшествия и о предварительных показаниях свидетелей требовалась для дальнейшего рассмотрения дела в суде, для сверки в самом суде с показаниями сторон. Такая запись нужна была и на тот случай, если бы на суде во время слушания дела служащий не мог присутствовать. В этом случае запись заменяла его личное показание.

Порядку вызова в суд уделялось значительное внимание как земским судом, так и самой королевской властью. Согласно ст. 123 «Законника короля Карла I» вызов в суд производился пострадавшим лицом – истцом, который называется в Законнике *actor*. Вызов мог быть реализован лишь при соблюдении порядка оповещения и занесения жалобы в земские книги. Вызов делался специальным служащим земского суда, который назывался в отличие от первого вторым погончим. Текст «Законника короля Карла I» свидетельствует, что служащие по вызову в суд – коморники, или погончие, были в каждой области, на которые была разделена средневековая Чехия. Если ответчик был из той же области, что и истец, тогда служащий (погончий) делал вызов ответчика один. Если же ответчик был из другой области, то служащий из области истца делал вызов ответчика вместе со служащим (погончим) той области, где жил ответчик. При вызове ответчика служащие сообщали ответчику суть дела, по которому тот вызывается, срок явки в суд и имя истца. В случае отсутствия ответчика дома погончий заявлял о его вызове семье или соседям ответчика. Кроме этого, служащий должен был оповестить о вызове в суд главного лица с торгового места.

Вызов влек за собою существенные последствия – на имущество вызываемого в суд ответчика накладывались обязательства и ответственность в случае проигрыша им дела для обеспечения уплаты судебных пошлин. Это было специфической чертой земского суда в средневековой Чехии. Если вызываемый в земский суд не имел имущества, суд мог применить подобные санкции по отношению к истцу.

Сторонами в суде были паны и владыки, т. е. лица, владевшие имуществом.

С момента явки сторон в земский суд начиналась очередная стадия тяжбы – рассмотрение (слушание) дела в суде. Оно начиналось сразу, если судья по какой-либо причине не считал нужным отсрочить дело. Статья 44 «Законника короля Карла I» допускала возможность отсрочки, при этом оговаривалось положение, что отсрочка имела силу лишь при наличии двух свидетелей. Кроме этого, отсрочка должна быть оповещена трижды на торгах.

Слушание дела в суде начиналось с изложения жалобы истцом. Ответчик лично или через доверенное лицо мог задать после этого истцу и земским служащим вопросы, какие считал необходимыми. Данный порядок ведения земского процесса закреплялся не только в ст. 123 «Законника короля Карла I», но и в более ранних источниках права, например, в ст. 226 «Рожмберской книги». В ней указано, что ответчик, согласно утвердившемуся порядку, мог после выступления истца заявить перед судом, что считал необходимым, и главное в своих вопросах к истцу должен был уточнить время и место события и присутствие на суде погончего, делавшего осмотр происшедшего. Затем ответчик должен был обратиться с вопросом к служащим суда, было ли им сообщено истцом в установленное законом время предъявленное ему обвинение. После этих вопросов служащий или погончий, производивший осмотр, делал заявление о результатах своего осмотра на суде. Если показание погончего расходилось с показаниями истца на суде, то истец проигрывал дело.

Главным видом доказательства по ст. 120 «Законника короля Карла I» считается присяга, ей уделяется особое внимание. Стороны должны были перейти к присяге сразу, как только жалоба была сформулирована истцом на суде, установлена и подтверждена предшествующей записью в досках. Значение присяги в системе доказательств вытекает из ст. 121 «Законника короля Карла I», которая гласит, что если ответчик правильно произносил присягу и показание его подтверждали два свидетеля, то ответчик освобождался от иска. Присяга в суде издавна занимала у чехов важное место, однако форма и значение ее менялись. Уже ст. 24 «Статутов Конрада Отгона» сообщает нам об использовании института присяги в случае судебного разбирательства об убийстве на дороге.

Во многих случаях истец в соответствии с правовыми нормами «Рожмберской книги» должен был принести присягу, а показание его должны были подтвердить от двух до шести и более свидетелей под присягой. Статьи 94 и 121 «Законника короля Карла I» говорят о том, что присяга в земском чешском суде устанавливалась согласно соблюдаемому древнему обычаю. Это дает нам основание считать, что присяга и показания свидетелей являлись основной формой доказательства. Однако при Карле I было внесено важное изменение в форму присяги – она стала простой и краткой и тем самым утратила значение ордалии, что было свойственно ей в прежние времена. В связи с этим возрастает роль ордалий в других формах «праву железа» и «праву воды», что закреплено ст. 180 «Рожмберской книги». Следовательно, еще во второй половине XIV в. в Чехии применялись ордалии (божий суд). Их применяли при рассмотрении дел, связанных с жизнью и имуществом лиц, относящихся к низшим сословиям. Что касается поединка, то он применялся преимущественно при обвинении в убийстве. «Законник короля Карла I» предполагал запретить использование ордалий.

Как подтверждает текст «Законника короля Карла I», в суде при рассмотрении гражданских и уголовных дел широко применялись свидетельские показания. В данном случае мы встречаем также многое из того, что известно в практике чешского крайского и земского судов. Из старых земских досок известно, что свидетельское показание имело большое значение при подтверждении имущественных прав, причем свидетель должен был приносить также присягу (*ze zmatkem*)⁴. В XII–XIII вв. при выдвижении обвинения требовалось подтверждение свидетелей⁵. В конце XIII в. свидетельские показания, или «право вести свидетелей», были обязательны при рассмотрении долговых и других имущественных дел (ст. 170, 186–191 «Рожмберской книги»).

Например, чтобы оспорить обвинение в изнасиловании женщины или доказать свою невиновность в отношении совершенного преступления, в соответствии со ст. 94 и ст. 32 «Законника короля Карла I» требовались показания не менее шести свидетелей в пользу ответчика. Оправдание на основании показаний скабинов, или послов (консулов), т. е. судебных служащих, явилось закреплением старого обычая.

Следовательно, согласно «Законнику короля Карла I» основными видами доказательств являлись присяга истца и ответчика, показания служащих земского суда и свидетелей.

После рассмотрения всех показаний и различных видов доказательств земский суд выносил приговор (решение) – *nalez, sentential*. Решение (*nalez*) высшего земского суда было окончательным, не подлежало апелляции и ему должен был подчиняться каждый свободный житель Чехии.

В «Законнике короля Карла I» был введен новый принцип, который должен соблюдаться при вынесении *nalez*: решение земского суда считалось законным, если оно принималось в строгом соответствии с текстом Законника. Никаких отступлений от буквы закона при вынесении решения не должно было быть, что содействовало в некоторой степени ограничению произвола земских панов.

С вынесением приговора рассмотрение дела в суде считалось окончанным. В средневековой Чехии исполнение решения земского суда было связано с имуществом ответчика и носило свои особенные черты, что нашло отражение в «Законнике короля Карла I». После вынесения приговора или решения в случае проигрыша ответчиком дела истец должен был послать к проигравшему дело особого служащего суда (погончего) для того, чтобы через него договориться с ним о выполнении приговора. Законодатель четко устанавливал срок: договориться истец с ответчиком должны были в течение двух недель. Указанное напоминание (*monere*) и последующее за ним соглашение (*concordare*) сторон были издавна в практике земского права в средневековой Чехии, а «Законник короля Карла I» лишь подтвердил древний обычай соглашения, известный в других источниках под названием уговора (*umluvy*).

Если же ответчик после напоминания отказывался от уговора с истцом, то специальный служащий земского суда осуществлял введение истца во владение имуществом ответчика. При этом в соответствии со ст. 21 «Законника короля Карла I» данным судебным служащим не могло быть лицо, которое вызывало ответчика в суд или которое осуществляло в отношении его напоминание (*monere*). Такой порядок введения во владение имуществом земским служащим соответствовал обычаю. О подобном порядке исполнения приговора суда и реализации права истца путем введения его во владение имуществом и владения им сообщает в своем сочинении Виктор Корнелий

Вшеград⁶. Об обычае введения истца во владение имуществом ответчика земским служащим в XIV в. говорится и в ст. 28 «Ряда земского права».

О введении во владение имуществом нового лица в соответствии со ст. 121 «Законника короля Карла I» должны быть оповещены все служащие и подданные ответчика. Они предупреждались о том, что должны или остаться в распоряжении нового владельца или покинуть эти владения со всеми своими вещами в течение двух недель.

Таким образом, в чешском процессуальном праве в X–XVI вв. еще не было деления на гражданский и уголовный процесс. Более системно и полно процесс изложен в «Законнике короля Карла I», в котором в значительной степени были упорядочены старые правовые обычаи и нормы в области процессуального права более ранних кодификаций чешского средневекового права.

¹ Черниловский З. М. Возникновение раннефеодального государства и права в Чехии // Труды Всесоюзного юридического заочного института. Т. XIV. М., 1970. С. 273.

² Jiriček H. Slovanské právo v Čechach a na Moravé. Praha, 1863. S. 171–178; Черниловский З. М. Указ. соч. С. 275.

³ Deský zemské. Tertio Zdislai. 1350 // Codex juris Bohemici. Dil. III. Praha, 1874. S. 25.

⁴ Desky zemske. Primo Zdislai 1320–1336 // Codex juris Bohemici. Dil. II. Praha, 1887. S. 20.

⁵ «Statuta ducis Ottonis...» // Codex juris Bohemici. Dil. II. S. 7.

⁶ Victorinus Cornelius a Všehrd. Knihy devaterý. Praha, 1841. Кн. II. S. 29, 2.